

УДК 81'367.7

*Памяти профессора
Валентина Ильича Зимина*

**СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОБРАЗНО-КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ
(К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ)**

Огольцева Е. В.

*Институт филологии (структурное подразделение) ФГБОУ ВО
«Московский педагогический государственный университет»,
ЧОУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»,
Москва, Российская Федерация
tertiumcomp@mail.ru*

В статье рассматриваются словосочетания, образованные по модели «относительное (притяжательное) прилагательное + существительное». Анализируются случаи проявления образно-компаративного значения у таких словосочетаний и ставится вопрос о «свободе» / связанности» адъективного компонента в их составе. Поскольку во многих случаях субстантивно-адъективные сочетания типа *медвежья неуклюжесть, бычья сила, осиная талия* и т. п. оказываются синонимичными устойчивым сравнениям с той же образной основой, такие проявления семантической соотносительности подвергаются в статье детальному анализу. Рассмотрены компоненты-прилагательные, образованные на базе существительных разных лексико-семантических групп, предпринята попытка типизации словосочетаний с этими компонентами по степени идиоматичности. Автор приходит к выводу, что словосочетания исследуемой модели во многих случаях могут быть квалифицированы как формально-компаративные варианты соотносительных с ними «прототипических» компаративных единиц – устойчивых сравнений. С другой стороны, есть основания для рассмотрения подобных сочетаний как фразеологических. Выявлены факторы, влияющие на процесс фразеологизации образно-компаративных значений относительных прилагательных, а также те особенности, которые отличают фразеологические сочетания данного типа от «классических» случаев типа *закадычный друг, перочинный нож* и пр. Поставленные в статье проблемы имеют непосредственный выход в лексикографическую практику: актуальной задачей является разработка приемов семантизации компаративных фразеологических сочетаний в лингвистических словарях.

Ключевые слова: структурно-компаративный вариант, фразеологическое сочетание, адъективный компонент, компаративное значение, устойчивое сравнение, фразеологически связанное значение.

ВВЕДЕНИЕ

Типология лексических значений, – несомненно, одна из основных проблем лексикологии как научной дисциплины. К этому вопросу обращались такие авторитетные ученые, как В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, П. Н. Денисов, М. В. Никитин и мн. др. Лексические значения исследуются по характеру их соотношения с предметами и явлениями действительности (прямые, переносные, экспрессивно-синонимические) и по поведению в синтагматическом ряду, то есть по характеру лексической сочетаемости (свободные, лексически связанные, фразеологически связанные) [3]; распределяются по семиологическим классам слов [24], классифицируются по соотношению денотативного и сигнификативного компонентов [23]. Пожалуй, наиболее дискуссионным оказался

критерий лексической сочетаемости. В самом деле, любые попытки анализа лексических значений с позиций свободы – связанности неизбежно наталкиваются на нерешенность целого ряда вопросов «смежной» лингвистической дисциплины – фразеологии: языковой статус словосочетаний, в составе которых один из компонентов характеризуется связанным значением; разграничение лексической и фразеологической связанности; круг возможных компонентов – «партнеров» слова с фразеологически связанной семантикой и др.: [2, с. 65–70; 7, с. 90–95; 13, с. 30–61].

Так называемые фразеологические сочетания (далее ФС), в которых реализуются связанные значения слов, продолжают оставаться малоисследованным участком современной фразеологии. В. В. Виноградов, широко трактовавший фразеологическую связанность, полагал, что 1) подобное значение может быть как единственным в семантической структуре слова-моносеманта, так и одним из значений многозначного слова; 2) основной признак данного типа значений – «отсутствие глубокого и устойчивого понятийного ядра»; 3) такие значения могут проявляться в сочетаниях со строго определенными словами [3, с. 176]. В последующие годы анализируемое нами понятие стало употребляться в более узком смысле: фразеологически связанным стало считаться лишь такое значение, которое реализуется с предельно ограниченным кругом лексических единиц (ср. *окладистая борода, закадычный друг, проливной дождь* и т.п.). Вместе с тем наряду с этими, наиболее яркими и типичными, случаями в качестве фразеологических сочетаний стали рассматриваться и глагольно-именные сочетания, или «вербоиды»: *нести службу, дать анализ, иметь значение* и т.п. [4–6; 21].

Возвращаясь к виноградовской широкой трактовке «связанного значения», считаем уместным поставить вопрос о правомерности отнесения к фразеологическим сочетаниям единиц типа *заячья трусость, адская жара, ангельская кротость, медвежья неуклюжесть, петушиная задиристость* и т.п. Специфика подобных сочетаний в последние десятилетия рассматривается в работах, посвященных проявлениям образно-компаративного (сравнительного) значения на словообразовательном уровне [17–20]. Однако сохраняет актуальность установление связей подобных сочетаний с системой устойчивых сравнений русского языка (далее УС) и, в связи с этим, разграничение свободных, фразеологически и лексически связанных значений адъективного компонента.

Цель данной статьи – рассмотреть факторы, определяющие природу образно-компаративных значений отсубстантивных прилагательных; наметить типологию этих единиц по степени и характеру связанности значений слов, выражающих зависимый компонент.

Поворот современной фразеологической науки к проблемам функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ), к историко-этимологическому анализу их семантики, интерес к лингвокультурологическим, когнитивным, сопоставительным аспектам устойчивых выражений – все эти факторы, на наш взгляд, вдохнули новую жизнь в основные «мотивы» лексико-фразеологической семантики (в том числе в решение вопроса о фразеологической связанности) [1; 12; 25]. Применительно к нашему **объекту анализа** – компаративно-производным отсубстантивным прилагательным и закономерностям их сочетаемости – весьма актуальным в

теоретическом плане представляется анализ тех участков действительности, которые охватываются субстантивно-адъективными сочетаниями с семантикой образного сравнения, а также тех фрагментов знаний о мире, которые они репрезентируют в русском языке. **Практическая значимость** сочетаний типа *бархатные глаза, ослиное упрямство, металлический голос* непосредственно связана с лексикографической практикой. Возрастающий с каждым годом интерес ученых к сопоставительному исследованию фразеологических картин мира делает чрезвычайно актуальной задачей создание Учебных словарей компаративных сочетаний для иностранных учащихся.

Поставленная нами проблема связана с такими фундаментальными вопросами фразеологической теории, как механизм фразообразования, анализ образной основы ФЕ – её внутренней формы, степень идиоматичности устойчивых сочетаний, «семантический вклад» составляющих их слов-компонентов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В работах, посвященных компаративному словообразованию в системе отсубстантивной деривации, компаративное значение рассматривается как разновидность словообразовательных (деривационных) значений, регулярно проявляющаяся у отсубстантивных производных слов определенных моделей. В системе прилагательного компаративные модели охватывают сферу суффиксации: основа сущ. + -н, -ов/-ев, -ск, -ист, -чат, -ан/-ян, -оват/-еват, -видн(ый), -образн(ый), подобн(ый): *атласный, эфирный, стальной; васильковый, перламутровый, кремневый; лакейский, донжуанский, купеческий; деревянистый, пружинистый, травянистый; зубчатый, трубчатый, лапчатый; оловянный, серебряный; смоляной; мешковатый, мужиковатый, слоноватый; грушевидный, стекловидный; скотоподобный, веерообразный, скелетообразный* [18]. Если имена прилагательные с аффиксоидами -видн(ый), -образн(ый) и подобн(ый) несут исключительно образно-компаративную семантику и не зависят в этом отношении от ближайшего контекстного окружения, то слова остальных моделей наряду с образно-компаративным деривационным значением способны проявлять и другие значения. Именно последний случай – компаративные значения, обусловленные условиями сочетаемости, и являются объектом наших наблюдений.

Многие из выше названных прилагательных характеризуются богатой валентностью: они могут выражать значение образного сравнения в сочетаниях с очень большим кругом существительных. Ср. некоторые сочетания, по данным «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ) [15]: *бархатный сезон, бархатный период, бархатный разрыв, бархатный переворот, бархатный луч солнца, бархатный мёд, бархатный шмель, бархатная шерстка, бархатная кожа, бархатный луг, бархатный газон, бархатный цветок, бархатные глаза, бархатные брови, бархатная травка, бархатный уголь, бархатные листья, бархатный тембр, бархатный голос, бархатный бас, бархатный тенор, бархатный баритон, бархатный аккорд, бархатный шум, бархатный гул* и проч. Вместе с тем в этом ряду есть сочетания, претендующие на устойчивость в большей мере, чем остальные, к примеру, *бархатная кожа* или *бархатная шерстка*.

Одним из факторов, влияющих на «законность» квалификации подобных сочетаний как относительно устойчивых, является живая связь с системой устойчивых сравнений: *бархатная кожа (шёрстка) – как (словно, точно) бархат* ‘1. Мягкий, нежный, лоснящийся, эластичный. О теле, коже, волосах человека, шерсти животного’ [16, с. 49]; *агатовые глаза – как (словно, точно) агат* ‘Чёрный. Чёрный с блеском. Прем. о глазах человека’ [Там же, с. 28]; *верблюжья выносливость – как (словно, точно) верблюд* ‘Выносливый, неприхотливый, способный не пить и не есть длительное время. О человеке’ [Там же, с. 88]; *журавлиные ноги – как (словно, точно) у журавля* ‘Длинные, тощие. О ногах человека’ [Там же, с. 184]; *льняные волосы – как (словно, точно) лен* ‘1. Белый, светлый, белесый. О волосах на голове человека’ [Там же; с. 317]. Количество УС, которые обнаруживают подобную связь с субстантивно-адъективными сочетаниями, довольно внушительно: их более трехсот. В подобных случаях мы имеем дело со своеобразной синонимией цельнооформленных и раздельнооформленных компаративных конструкций, причем отсубстантивное прилагательное функционально сближается со сравнительной частью устойчивого сравнения: *снежный – как снег, шелковый – как шелк, смоляной – как смоль, мертвецкий – как мертвец, резиновый – как резина* и проч. Естественно, что для подобных соответствий первостепенное значение имеет регулярное воспроизведение у субстантивно-адъективного сочетания тех же признаков-оснований, которые характеризуют раздельнооформленную компаративную структуру. Подобная коррелятивность «синтетических» и «аналитических» единиц с семантикой образного сравнения подробнее проанализирована в работах: [19; 20].

По нашим наблюдениям, в качестве образов в структуре подобных компаративных синонимов могут выступать существительные самых разных лексико-семантических групп:

1) Конкретные существительные – наименования предметов: *игольчатый, иглистый – как игла (иглы), мешковатый, мешкастый – как мешок* (всего около 20 случаев): *Представляется мне зима в полном разгаре: на дворе морозно, белый иглистый снег скрипит под полозьями саней и ярко блестит, озаряемый лучами полуденного солнца.* (А. К. Шеллер-Михайлов. Вразброд); *Мчит зимой вьюга толпы острых, как иглы, снежинок, рвёт и мечет вьюга, потешается.* (К. А. Федин. Анна Тимофеевна); *Лежал жалкий и мешковатый в быстро растекавшейся луже крови, и никто из нас, стоявших и сидевших вокруг, не сомневался в том, что он мертв.* (Мариам Петросян. Дом, в котором...); *У него же бушлат от муки тоже весь белый. Лежит как мешок – лицом вниз, дремлет. И тут я поворачиваюсь со своим ножом.* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь, 2003).

2) Наименования мест (помещений): *ярмарка – как на ярмарке; аптекарский – как в аптеке; кладбище – как на кладбище* (всего около 20 случаев): *Маяковский любил ярмарочный шум, блеск, музыку, толчею, любил глазеть на балаганы, играть во все игры, стрелять в тире и выигрывать бутылки плохого шампанского, покупать билеты в лотерею и смотреть на вертящееся колесо «фортуны».* (Э. Ю. Триоле. Заглянуть в прошлое); *Шум, хохот, ералаш поднялся, как на ярмарке.* (Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купалы); *Требовалась аптекарская точность, чтобы*

угодить в основание аорты. (Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003); *Производить натуральный продукт тяжело, технология должна соблюдаться точно, как в аптеке,* – говорит г-жа Одинцова. (Н. Кононов. Подножный бизнес // «Эксперт», 2004, 12.06); *Виктор посмотрел в обе стороны; мрачная картина и кладбищенская тишина – после испуга и растерянности отца и матери – действовали ему на нервы.* (С. Бабаян. Господа офицеры); *Е.И. мысленно соображала возможности такой атаки, но в это время я, уже крепко спавший, сказал: «Все тихо, как на кладбище».* (Н. К. Рерих. Листы дневника).

3) Наименования лиц (по возрасту, полу, роду деятельности), а также имена библейских и литературных персонажей, исторических деятелей: *бабий, бабский – как баба, фарисей – фарисейский, младенческий – как младенец, как у младенца, монашеский – как монах, как у монаха* (около 70 случаев): *В своем письме вы обходите все главные вопросы, которые я ставлю ясно и правдиво, и вы всё говорите о недоразумениях. Это прием фарисейский. Недоразумения надо честно выяснять.* (А. Б. Гольденвейзер. Дневник); *Он, как фарисей, был верен, только он никогда сыном не был, в нем не было любви к отцу.* (Митрополит Антоний (Блум) Размышления на пути к Пасхе); *Он стучал около двадцати минут, но мой младенческий сон был непоколебим.* (И. М. Косых. Ади // «Волга», 2021); *При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал как младенец.* (А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля)

Пожалуй, самые интересные (и весьма многочисленные) группы – образы веществ и анимализмы.

4) Наименования веществ: *атласный – как атлас; жемчужный – как жемчуг; мраморный – как мрамор* (всего около 50 случаев): *Мальчик шел отдыхающим шагом; атласная кожа его попыхивала синими искрами.* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев); *Я беру тоже ванну. Удивительно мягкая вода. Кожа после нее становится, как атлас. Никаких институтов красоты не надо. Банищица уверяет, что после месяца купанья даже морщины исчезают.* (Т. В. Солоневич. Записки советской переводчицы); *Ну, похудела, да, но... Черты лица, знаете, мраморная бледность... роскошные ресницы, соболиные брови... и... какое-то сияние от нее исходило, как от святой.* (Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви); *Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

5) Наименования животных (млекопитающих, земноводных, птиц, насекомых): *ястребиный – как у ястреба, змеиный – как у змеи, черепаший – как черепаха* (около ста случаев): *Похлопал он меня по плечу; его строгие глаза развеселились, ястребиный нос сморщился, и все лицо осветилось улыбкой.* (В. А. Гиляровский. Люди театра); *Другой актер был не важный: лысенький, с беззубым ртом, в пенсне на носу, загнутом, как у ястреба; уши у него были заячьи, большие и чуткие.* (А. М. Горький. Жизнь Клим Самгина); *300 000 км. В секунду – черепаший скорость по сравнению с этой мнимой скоростью зрительных лучей* (С. И. Вавилов. Глаз и солнце. О свете, солнце и зрении); *Если мы поглощены делом, время летит для нас*

незаметно, если ждем чего-нибудь с нетерпением, ожидание становится томительным и время ползет как черепаха. (С. М. Иванов. Утро вечера мудренее).

Отметим другие, чуть менее продуктивные, лексико-семантические группы существительных – образов сравнений, встречающиеся в подобных компаративных вариантах. Среди них, в частности, а) наименования сказочных персонажей, сверхъестественных существ, связанных с религиозными, мифологическими представлениями, суевериями и проч. (*ангельский – как ангел; дьявольский – как дьявол; бесовский – как бес; русалочий – как у русалки*); б) наименования растений и их частей, в частности, плодов (*вишневый – как вишня; дубовый – как дуб; лимонный – как лимон; персиковый – как персик; полынный – как полынь*); наименования явлений природы и другие отвлеченные понятия (*громовой – как гром; гипнотический – как под гипнозом; исповедальный – как на исповеди; кошмарный – как кошмар*). Отметим, что и у относительных (прежде всего с суффиксами -н, -ов, -ск), и у притяжательных прилагательных, образованных с помощью суффикса -ий, образно-компаративные значения проявляются регулярно; при этом соотносятся они, естественно, исключительно с теми УС, в структуре которых в качестве образной основы (компонента **В**) выступает **имя существительное** в одной из падежных форм.

Проблема устойчивости и идиоматичности рассматриваемых словосочетаний непосредственно связана с многозначностью грамматически зависимого, но семантически главенствующего слова – прилагательного. Еще в семидесятых годах прошлого века, сопоставляя разные части речи в плане закономерностей развития многозначности, В. И. Зимин отмечал, что «для имен существительных основным фактором в развитии многозначности является логический фактор, т.е. развитие понятийного содержания слова», или «обогащение его референтной соотнесенности» [10, с. 200]. Сказанное особенно верно по отношению к словам-«денотативам», обозначающим, к примеру, конкретные предметы. Для слов-«предикатов» (глаголов, прилагательных) актуален иной фактор развития полисемии – влияние «синтактико-фразеологического окружения слова» [Там же, с. 201]. Поэтому самым действенным методом при исследовании многозначности глаголов и прилагательных – метод дистрибутивный, который позволяет не только отграничить одно значение от другого, но и дифференцировать значения свободные и связанные.

Использование дистрибутивного метода дополняет уже отмеченный нами метод трансформации, соотнесения анализируемых сочетаний с компаративными фразеологизмами. Очевидно, что отношения функциональной синонимии единиц с семантикой образного сравнений наблюдаются далеко не во всех случаях. Так, в подобные отношения не вступают как *пакля (спутанные, свалявшиеся (о волосах))*; как *ртуть (живой, подвижный)*; как *сарай (холодный и грязный)*; как *утёс (непоколебимый, незыблемый)*, как *шакал (злой и трусливый)* и мн. др. С другой стороны, можно отметить немало субстантивно-адъективных сочетаний, которые не имеют соответствия в системе компаративной фразеологии, но явно тяготеют к фразеологизации. Яркий пример подобных сочетаний – *соболиные брови*. Воспроизводимость этого словосочетания подтверждается значительным количеством примеров из «Национального корпуса русского языка»: из пятидесяти четырех фрагментов, содержащих прилагательное «соболиный», около сорока

реализуют именно эту валентность: *Я помню себя очень гордым – в серой шинели гимназиста, у которой черный каракулевый воротник, с лицом, которое пышет, с бровями, мягкость которых я сам ощущаю – поистине **соболиные брови** мальчика!* (Ю. К. Олеша. Книга прощания); *Но чудеснейшие, обильнейшие тёмно-русые волосы, темные **соболиные брови** и прелестные серо-голубые глаза с длинными ресницами заставили бы непременно самого равнодушного и рассеянного человека, даже где-нибудь в толпе, на гулянье, в давке, вдруг остановиться пред этим лицом и надолго запомнить его* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Даже те субстантивно-адекативные сочетания, которые соотносятся с синонимичными УС, не всегда можно квалифицировать как фразеологические. Процесс идиоматизации оказывается очень прихотливым, избирательным и определяется целым комплексом факторов. Проанализируем их подробнее.

1. Большая часть рассматриваемых нами отсубстантивных прилагательных характеризуется очень широкой сочетаемостью. По этой причине вряд ли можно прогнозировать формирование фразеологически связанных значений у таких прилагательных, как *автоматический, ангельский, бесовский, чертовский, бабий (бабский), гипнотический, господский, железный, деревянный, каменный* и т. п. Можно сказать, что прилагательные с чрезвычайно богатыми возможностями сочетаемости «обречены быть свободными». Среди них особое место занимают те слова, у которых реализуется исключительно образно-компаративное значение, но признак, на основе которого осуществляется сравнение, предельно размыт. Можно сказать, такие прилагательные характеризуются своего рода широкозначностью, поскольку служат, по существу, «интенсификаторами» других признаков. Так, прилагательное **чертовский** встречается в сорока фрагментах, и всякий раз оно выступает в значении очень абстрактном, так сказать, «образно-гиперболическом». При этом оно проявляет исключительно широкую сочетаемость, употребляясь в основном со словами абстрактной семантики: *чертовский голод, чертовский холод, чертовский нюх, чертовский лаконизм* и т. п. Вместе с тем ему не противопоказано и употребление с существительными конкретными и вещественными (*чертовский дождь, чертовский ливень, чертовский парень, чертовский перстень, чертовский кипяток*). Это прилагательное обнаруживает аксиологическую амбивалентность, то есть оно может быть источником как положительной, так и отрицательной оценочной коннотации (ср. *чертовская элегантность, чертовский успех у женщин* (+) – *чертовский кризис, чертовский насморк, чертовский шабаш* (–) и т. п. Изредка семантика этого слова-интенсификатора осложняется семами ‘жуткий, устрашающий’ (*чертовский удар итыка, чертовский вид* (о человеке) и ‘злой, несносный’ (*чертовский характер*)).

Примерно то же можно сказать и о прилагательном *адский*, которое характеризуется богатейшей синтагматикой (1100 контекстов в НКРЯ), при этом оно почти всегда оказывается «семантически пустым», выступая лишь как признак-интенсификатор. Образы «черт» и «ад», несомненно, выполняют в обоих случаях функцию ономазиологической базы, с ними связана внутренняя форма подобных прилагательных (она и является источников яркими коннотаций), однако сравнение с этими сущностями в семантике производных прилагательных почти не

прослеживается. Даже в случаях подобной синтагматической свободы можно выделить те существительные, с которыми прилагательные сочетаются чаще, чем с другими. Таковы, в частности, *чертовский голод*, *чертовский холод*; *адский труд*, *адская жара*. Именно эти сочетания тяготеют к статусу «фразеологических». Кстати, образ «ад» используется в структуре компаративного фразеологизма **как (словно, точно) в аду**, что является дополнительным аргументом для подтверждения нашей гипотезы: '1. Жить, находиться – в невыносимо трудных, нестерпимо мучительных условиях, физических или нравственных. <...> 2. Жарко (жара) где-л.' [16, с. 28-29].

Соотносительность с УС является фактором, позволяющим прогнозировать постепенный переход в разряд фразеологических таких сочетаний, как *верблюжья выносливость*, *скоморошеское поведение*, *деревянные руки (пальцы)*, *бычья сила*, *громовой голос*, *акробатическая ловкость*, *аптекарская точность*, *арестантская жизнь*, *баранье (или ослиное) упрямство*, *каторжная жизнь*, *буйволово (бычье) здоровье*, *заячья трусость*, *змеиное коварство*, *змеиное шипение*, *змеиный взгляд*, *зверская жестокость*, *зверский аппетит*, *индюшечья важность*, *петушья (петушиная) задиристость* и мн. др.

2. **Однозначная определённость признака-основания сравнения** также влияет на переход словосочетания в статус фразеологической единицы. Соответственно, свободное значение прилагательного начинает осознаваться как связанное. К примеру, все переносно-метафорические (компаративные) значения прилагательного «восковой» основаны на признаке 'бледный' и реализуются чаще всего в сочетании *восковое лицо* (реже – *восковое тело*, *восковые руки*). Кстати, те же признаки лежат в основе одного из значений УС **как (словно, точно) воск** 'Бледный, белый, желтый, прозрачный. О лице, теле, коже человека' [16, с. 109]: *Заострившиеся черты, словно у покойника, с застывшим выражением страдания и муки. Восковое лицо. Провалившиеся глаза, в которых еле-еле светится жизнь, словно погасающий огонек догорающего огарка.* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга); *Ей было восемьдесят лет, из которых она провела в своей обители шестьдесят. Строгое восковое лицо глядело мутными глазами.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови)

Показательно, что тенденция к фразеологической связанности характеризует многие устойчивые характеристики внешнего вида человека, такие, как *атласная кожа*, *агатовые глаза*, *жемчужные зубы*, *газельи глаза*, *журавлиные ноги*. К примеру, прилагательное «жемчужный» регулярно проявляет значение 'белый, блестящий', реализуя его в таких сочетаниях, как *жемчужный Млечный путь*, *жемчужный шарик*, *жемчужный фонарь*, *жемчужный туман*, *жемчужный луч*, *жемчужный снег*, *жемчужный иней*, *жемчужная слеза*; однако наиболее частотное сочетание **жемчужные зубы** – 'белые, ровные и блестящие'. Именно последнее словосочетание и является относительно устойчивым.

То же можно сказать и о прилагательном *бисерный*, которое соотносится с УС **как (словно, точно) бисер** ('Мелкий, маленький. О предметах, имеющих вид блестящих шариков' [16, с. 57]), реализует образное значение 'очень мелкий' и характеризуется довольно широкой сочетаемостью. Так, прилагательное *бисерный* (-ая, -ое) употребляется по отношению к любым предметам, которые

характеризуются маленьким размером, часто блеском, шаровидной или округлой формой; ср. *бисерный* дождь (*пот, иней, фонтан, след трясогузки*); *бисерная* влага (*роса, морось*); ср. также метафорические и метонимические сочетания *бисерный от ровной мороси воздух, бисерный туман* (В. Набоков), *бисерный разговорец* (С. Шакира), *бисерная мелкота специальностей* (Г. И. Успенский), *бисерный разговорец, бисерный попугай*» (И. С. Шмелев), *бисерная змея, бисерная курица* (М. А. Шолохов), *бисерный вечер, бисерный воздух, бисерный лебедь* (А. Белый). На фоне этого многообразия сочетаний явно выделяется одно: *бисерный почерк* (мелкий, ровный, убористый, округлый, разборчивый/неразборчивый) (более 20 фрагментов): *Сергей Петрович аккуратно вынул ее, раскрыл: бисерный нечитаемый почерк, только первая запись написана чуть крупнее и довольно разборчиво.* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012); *Точно также его бисерный почерк, необыкновенно четкий, где он дописывал каждую букву, помогал ему отделявать то, что он писал, придавать законченную красоту его письменной речи.* (В. А. Маклаков. Из воспоминаний) Очевидно, что словосочетание «бисерный почерк» в силу высокой частотности его употребления в текстах и в разговорной речи также может претендовать на статус «устойчивого», а значение зависимого компонента в его составе – на статус «связанного».

3. «Четкий «выбор» признака сравнения (С) влечет за собою, как правило, **закрепленность значения прилагательного за строго определенным объектом образной характеристики (А)**. Например, прилагательное *газелий* чаще всего реализует свое потенциальное образно-компаративное значение в сочетании с существительным «глаза», употребляясь, соответственно, в форме множественного числа: *Газели глаза смотрели на Мокшина с преданностью и обожанием.* (Н. Катерли. Зелье). Прилагательное *газелий* употребляется как характеристика больших, темных глаз человека – чаще всего девушки или молодой женщины, реже ребенка. По нашим наблюдениям, выражение *газели глаза* характеризуется в основном положительной коннотацией, вызывая ассоциацию с нежностью, чистотой, невинностью. Ср. явное противопоставление «газелих глаз» с предательской сущностью человека в следующем контексте: *Точно – херувим вербный, а взгляните в его газели глаза.* Дьявол, сатана, черт. (П. Н. Краснов. Подвиг) Отметим, однако, что в случае с сочетанием *газели глаза* отсутствует важный фактор, способствующий переходу свободного компаративного значения в статус «связанного» – его коммуникативная актуальность, а следовательно, и регулярность употребления (в НКРЯ лишь 2 примера, в картотеке словаря УС – 8). В этом смысле более показателен пример *лошадиные зубы*. Здесь налицо и определенность признака сравнения («крупные, большие»), и строгая ограниченность объекта образной характеристики (зубы человека), и соотносительность с УС (зубы / как у лошади), и частотность употребления (около 30 фрагментов).

4. В случаях, когда налицо соотносительность анализируемых нами сочетаний с устойчивыми сравнениями, заметна связь между тенденцией к формированию связанного значения прилагательного и **однозначностью / многозначностью компаративного фразеологизма**. Приведем в качестве примера одно из самых богатых значениями устойчивых сравнений – *как (словно, точно) собака*, которое

употребляется в многочисленных контекстах как характеристика 1) человека, который бегаёт, суетится, пребывая в непрерывных заботах; 2) человека, который набрасывается на кого-л. с бранью, угрозами, побоями; 3) человека очень голодного; 4) дрожащего от страха или от холода; 5) живущего в крайней бедности и одиночестве; 6) очень злого, ненавидящего людей; 7) погибающего позорной смертью; 8) умирающего без заботы и внимания близких, в полном одиночестве; 9) очень уставшего; 10) бегающего за кем-л. в силу болезненной привязанности; 11) человека с очень хорошим обонянием или интуицией. Многие из этих значений так или иначе проявляются и у прилагательного *собачий* (ср. в НКРЯ *собачья преданность, собачья поза, собачья покорность, собачья жизнь, собачий нюх, собачий нрав, собачий взгляд, собачий холод* и др.). Однако широта круга возможных контекстов, в которых выше названные значения реализуются, в большинстве случаев не позволяет говорить о фразеологической связанности. На наш взгляд, на статус фразеологических сочетаний могут претендовать лишь *собачий холод* и *собачья смерть*, о чем свидетельствует и многочисленность контекстов с этими единицами¹.

Многозначны также УС с образами *кот* и *кошка*. Так, компаративный фразеологизм *как кошка* имеет 11 значений, *как кот* – 3 значения, *как у кота* – 2 значения. Прилагательное *кошачий* (отчасти именно в связи с этой многозначностью соотносительной компаративной структуры) также имеет множество разных значений (это такие признаки, как «ласковый», «влюбчивый», «живучий», «блудливый», «ловкий и гибкий», «изворотливый», «проворный», «вкрадчивый», «мягкий» и проч. К статусу связанных тяготеют лишь словосочетания *кошачьи усы* (прямые и торчащие) и *кошачьи глаза* (желтые и зеленые, блестящие в темноте).

Вместе с тем наш анализ показал, что иногда в субстантивно-адъективных сочетаниях реализуется лишь одно из значений УС-полисеманта. Так, УС *как (словно, точно) воск* имеет 3 значения: '1. Бледный, белый, жёлтый, прозрачный. О лице, теле, коже человека. 2.1. Мягкий, податливый. О веществе, массе. 2.2. Перен. Мягкий, податливый, уступчивый. О человеке – характере человека. 3. Таять. Худеть – быстро, неуклонно (при болезни или вследствие мучительных, часто скрытых, душевных переживаний)' [16, с. 110]. Из этих трех значений прилагательное *восковой* регулярно реализует только первое, сочетаясь с существительными *лицо, кожа, голова, череп, лоб, рука, бледность, белизна, желтизна* (кожи, лица). Несомненно, широта сочетаемости не позволяет говорить в этом случае о фразеологической связанности значения. Однако **о связанности лексической** вести речь вполне уместно: мы имеем дело с реализацией одного и того же образно-компаративного значения в ограниченном круге сочетаний. То же можно сказать и о прилагательном *громовой*. Соотносительное с ним УС имеет два значения: '1.1. Греть, грохотать, грохать. О звуке мощной силы. 1.2. Перен. Грнуть, прогреметь, поразить, ошеломить, оглушить. Мгновенно и широко распространиться, произведя

¹ Мы не рассматриваем здесь фразеологические единства типа *собачья радость* (о колбасе плохого качества) или бранные выражения *бред собачий (чушь собачья)*, в которых прилагательное не проявляет образно-компаративного значения.

сильное впечатление. О сообщении, известии' [16, с. 138-139]. Прилагательное *громовой* соотносится только с первым из приведенных значений: оно регулярно употребляется в контекстах, характеризующих очень громкие звуки: *громовой (-ая) голос* (хохот, смех, аккорд, топот, музыка) и т.п.

Бывают случаи, когда значения УС-полисеманта очень близки и представляют собой как бы две стороны одного признака. Таково сравнение *как голубь*, которое в первом своем значении – характеристика очень чистого, непорочного, невинного человека, а во втором – образное выражение смиренного, кроткого поведения. Прилагательное *голубиный* реализует оба этих значения в таких сочетаниях, как *голубиная невинность*, *голубиная кротость*, *голубиная чистота*, а также в словосочетании, которое как бы вбирает в себя все вышеперечисленные семы – *голубиная душа*. Это выражение, на наш взгляд, также характеризуется тенденцией к «устойчивости».

Многие субстантивно-адъективные сочетания с адъективным компонентом-сравнением остаются в статусе редко реализуемых, однако потенциально возможных, «прогнозируемых», интуитивно понятных носителям языка: *блосиная непоседливость*, *болотная атмосфера*, *воловье напряжение*, *девичья застенчивость* и т.д. Вот как, к примеру, реализуется потенциальное образно-компаративное значение прилагательного *дегтярный* ('очень крепкий, темный, цвета дегтя'): *Стакан за стаканом пил Петр Житов дегтярный чай, жег дешевенькие, по доходам, папироски «Волка», а где добыть проклятый рублишко, по-прежнему не знал.* (Ф. Абрамов. Дом) В данном случае прилагательное реализует единственное значение, присущее соотносительному с ним УС: 'Черный, преим. о жидкости или полужидкой массе' [16, с.150-151].

В большей части рассмотренных нами случаев прилагательным свойственны **свободные** значения особого типа, которые мы называем образно-компаративными. Они неразрывно связаны с фактором производности и особенностями словообразовательной мотивации (проявляются только у отсубстантивных относительных и притяжательных прилагательных и мотивируются отсылкой к внутренней форме, которая представляет собой не что иное, как образное сравнение). В случаях закрепления субстантивного образа за одним определенным признаком-основанием (С) можно говорить о лексической связанности, поскольку реализация компаративного значения в данном случае ограничена узким кругом словосочетаний.

Отметим те немногочисленные единицы, которые в словарях устойчивых сравнений (и в ряде фразеологических словарей) расцениваются как воспроизводимые единицы языка. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» [16] зафиксировано 14 подобных фразеологических единиц: *бычья сила*, *бычья шея* (с. 80), *васильковые глаза* (с. 85), *каторжная жизнь* (с. 243), *лошадиные зубы* (с. 331), *медвежья сила* (с. 346), *обезьянья ловкость* (с. 409), *обезьяньи руки* (с. 410), *орлиный нос* (с. 433), *орлиный взгляд* (с. 433), *осиная талия* (с. 435), *рачьи глаза* (с. 537), *ястребиный взгляд / глаза* (с. 797), *ястребиный нос* (с. 797).

На наш взгляд, на формирование фразеологически связанного значения у отсубстантивного прилагательного оказывают влияние следующие факторы: 1) однозначность соотносительного устойчивого сравнения с тем же образом **В**;

2) четкость и определенность признака, положенного в основание сравнения;
 3) соотносительность образа и основания сравнения (С) с единственным объектом образной характеристики (А). Иными словами, компонент А компаративной структуры должен представлять собой не некий диапазон объектов, а именно **один** объект. К примеру, прилагательное «осиная» в значении «очень тонкая» характеризует исключительно **талию**, соотносясь с УС как *(словно, точно) у осы* ‘Тонкая, перетянутая. О талии (преим. женской)’ [16, с. 435]: *Какие глаза! Какая точёная фигурка! Эта осиная талия! Действительно, такой тонкой талии я никогда более не видел.* (Д. Карапетян. В. Высоцкий. Воспоминания). *Наливала чай сувернантка – долголицая, мучнисто-белая особа с талией как у осы.* (И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги).

Прилагательное «лошадиные» в значении ‘крупные, длинные, нередко желтые и выпирающие вперед’ сочетается с существительным «зубы», образуя устойчивую, воспроизводимую всем языковым коллективом фразеологическую единицу, также соотносящуюся с УС как *(словно, точно) у лошади: Англичанин, щуря под очками глаза от солнца и оскаливая длинные жёлтые лошадиные зубы, подошел, застегивая на ходу перчатки, с хлыстом под мышкой.* (А.И. Куприн. Изумруд); *Вместо ответа мадам обнажила в светской улыбке длинные, выступающие вперед лошадиные зубы, всегда розовые от губной помады, и протянула мне очередное стерильное блюдо.* (Ю. Друнина. Европа глазами солдата) Важно отметить, что УС как у лошади, с которым соотносится это словосочетание, имеет только одно значение и способно характеризовать только зубы человека.

Как уже было отмечено выше, среди фразеологических сочетаний исследуемой модели, соотносительных с УС, преобладают те или иные объективные характеристики внешности человека. В качестве главного компонента чаще всего выступают соматизмы: *орлиный нос* (‘несколько загнутый книзу, с горбинкой, как клюв у орла’), *бычья шея* (‘сильная, мощная, как у быка’), *васильковые глаза* (‘голубые, как васильки’) и мн. др. Иногда грамматически главенствующими компонентами являются наименования визуально наблюдаемых физических признаков человека. Так, *медвежья сила* и *сила как у медведя* – семантически эквивалентные конструкции, характеризующиеся общностью внутренней формы и актуальной компаративной семантики.

Мы полагаем, что адъективно-субстантивные сочетания типа *васильковые глаза* или *орлиный взгляд* вполне могут быть квалифицированы как **структурно-семантические варианты устойчивых сравнений** [16, с. 20]. Различие между членами исследуемых нами пар состоит только в способе выражения компаративных отношений. В. И. Зимин, выявляя типы вариантов ФЕ, особо выделил варьирование «синтаксическое»: «всевозможные внутрисконструктурные преобразования фразеологизма, вызываемые условиями его дистрибуции, но не изменяющие его семантического тождества» [9, с. 81]. Вероятно, этот условный (но очень точный!) термин «синтаксическое варьирование» может быть применен и по отношению к рассматриваемому нами случаю: *бычья шея* и *шея как у быка*, *жемчужные зубы* и *зубы как жемчуг* – формально-структурные варианты, или синтаксические варианты, не нарушающие семантического тождества компаративной единицы.

Если же сочетания с адъективным компонентом-сравнением рассматривать как разновидность фразеологических сочетаний, то следует сделать оговорку, что это совершенно особая группа, отличающаяся от прочих ФС целым рядом особенностей: 1) «связанность» значения зависимого компонента определяется его словообразовательной мотивированностью; 2) внутренняя форма таких сочетаний всегда очевидна и не требует «расшифровки» (ср. в этом плане *закадычный друг* или *перочинный нож*); 3) зависимый компонент-прилагательное может употребляться и в иных контекстных условиях, однако «связанное» значение реализуется в сочетании лишь с одним (реже двумя-тремя) существительными.

Некоторые словосочетания анализируемой модели в тех или иных грамматических формах фигурируют в составе собственно фразеологизмов, характеризующих визуально наблюдаемые параметры – цвет или размер. Таковы, например, ФЕ <величиной> *с голубиное яйцо* и *цвета воронова крыла*: *А плоды на этих деревьях растут всё-таки маленькие, твердые и кислые, с голубиное яйцо*. (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей); *По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно черный, с блестящим синеватым отливом – цвета воронова крыла, и обязательно с четко отграниченными яркими отметинами <...>* (Г. Н. Троепольский. Белый Бим черное ухо). В подобных конструкциях в качестве образа сравнения выступает уже не производящая основа прилагательного, а все словосочетание в целом. Такие структуры заслуживают особого пристального анализа.

Нельзя не отметить также, что многие относительные имена прилагательные выступают в качестве компонентов фразеологических единств (термин В. В. Виноградова) – двуплановых устойчивых единиц, представляющих собой образные (метафорические, реже метонимические) наименования тех или иных предметов действительности. Ср.: *звездный час* ('о моменте высшего подъема, напряжения и испытания всех сил'); *звездная болезнь* ('о высокомерном, чванливом поведении лица, пользующегося известностью'); *тепличное растение* ('хрупкий, изнеженный человек, не приспособленный к жизни в результате условий воспитания и быта'); *горе луковое* (шутл. 'о незадачливом, нерасторопном человеке'); *фиговый листок* ('то, что используется, служит прикрытием чего-либо, заведомо бесстыдного, нечестного') [22] и мн. др. Прилагательное в структуре подобных единиц следует рассматривать уже как компонент фразеологизма, а не как самостоятельное слово (хотя и с фразеологически связанным значением). В этих семантически цельных выражениях (при всем различии внутренних семантических отношений в них) мы имеем дело с семантическим преобразованием обоих компонентов словосочетаний и их частичной «деактуализацией» [8, с. 7]. Любопытно, что многие прилагательные, входящие в состав подобных фразеологических единиц, не встречаются в рассмотренных нами выше устойчивых компаративных структурах и не обнаруживают непосредственной семантической связи с системой устойчивых сравнений. Однако значительна и доля производных отсубстантивных прилагательных, употребляющихся как в составе образно-компаративных единиц, так и в составе собственно фразеологизмов. К примеру, прилагательное *медвежий* демонстрирует удивительное разнообразие значений,

среди которых есть и свободные (безобразные), и лексически связанные, и фразеологически связанные; это прилагательное может выступать также в качестве компонента фразеологического единства. Проиллюстрируем сказанное примерами.

1. Свободные (прямые) значения ('принадлежащий медведю', 'связанный с медведем', 'относящийся к медведю'); *А потом мужик вдруг останавливается и, указывая кнутом на крупные глубокие следы, с почтительным испугом говорит: «Глянь-ко! Ведь **медвежий след**-от! И свежий совсем! Что это ему не спится?»* (В. З. Санников. Записки простодушного); *Зверь подошёл к торчащим лыжам, не тронул их и не испугался, он был здесь недавно... может, и только что... Илье казалось, что он слышит **медвежий запах**.* (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир») Ср. также притяжательное и относительное значения прилагательного *медвежий* в сочетаниях с существительными *берлога, рев, лапа, туловище, шерсть, кость, морда, лежка, капкан, жир, сало, мех, шуба, шкура, туша, мясо, папаха, бурка, охота, травля, заряд* и т.д. Значения, которые проявляются у прилагательного в составе подобных словосочетаний, свободные и безобразные.

2. Свободные образно-компаративные значения: *В движениях же **чтеца** властвовали повадки его любимых героев – **медвежья ленца** и свирепая грациозность тигра.* (Г. Шергова. Об известных всем); *Под **медвежье** какое-то неудовлетворительное **ворчанье** Алены я дал сумасшедшему спичек, хлеба, чая, сахару, пачку сигарет.* (Ю. Коваль. Четвертый венец) Это те контексты, в которых у прилагательного «медвежий» реализуется значение образного сравнения, причем в качестве признака-основания может выступать любой признак, не закрепленный в общеязыковых, воспроизводимых языковых единицах.

3. Лексически связанные образно-компаративные значения: ***Медвежья фигура** Бааде выглядела неясным силуэтом, как на недопроявленном снимке.* (Д. Биденкин. Десант на Меркурий); *У **Ткачихи** красное бородавчатое лицо, грубый голос, **медвежья походка** при большом плотном теле, но ее легко разжалобить, уговорить мягким словом.* (И. Полянская. Прохождение тени); *Сын заццицался яростно и умело, но и у него **недостало сил** долго **сдерживать медвежий натиск**.* (Б. Васильев. Вещий Олег) В этом случае мы имеем дело со значениями 'грузный, тяжелый', 'неповоротливый, неуклюжий', которые, как показал анализ фрагментов НКРЯ, реализуются в относительно ограниченном круге словосочетаний (мы представили здесь наиболее частотные).

4. Фразеологически связанные образно-компаративные значения: ***Сила**, должно быть, **медвежья**, машина застрянет – поможет вытаскивать.* (В. Тендряков. Ухабы); *Только **медвежья сила** Паршина могла выдержать работу, которую ему пришлось проделать.* (Н. Н. Шпанов. Медвежатник); *Одинокое заключение сильно повлияло на **медвежье здоровье** Урбенина: он пожелтел и убавился в весе чуть ли не наполовину.* (А. П. Чехов. Драма на охоте) В этих фрагментах реализуется структурно-компаративный вариант устойчивого сравнения *как (словно, точно) медведь* в его первом, наиболее распространенном значении: '1. Сильный, здоровый. О мужчине' [16, с. 342-343]. Фразеологическая связанность значения прилагательного, по-видимому, имеет место и в сочетаниях *медвежья неуклюжесть, медвежья неповоротливость*, которые коррелируют со вторым значением УС:

‘2. Неуклюжий, неповоротливый. Делать что-л., поворачиваться – неловко, неуклюже. О мужчине’ [Там же; с. 343].

5. Употребление прилагательного «медвежий» в качестве компонента фразеологического единства; при этом его семантика частично переосмысливается, или деактуализируется: *Этот медвежий угол издавна населен инородцами, которые охотно приняли девиз Чжугэ Ляна «Человек и Дружба», но не рвутся отвоевать Поднебесную у коренных китайцев, вставляя свою шею в новое имперское ярмо* (С. Смирнов. *Конец серебряного века. Anno Domini 180* // «Знание – сила», 2003); – *Не пойму, каналу нашему деньги девать некуда, что ли – в командировку в такой медвежий угол сотрудников посылать?* (Е. Сафонова. *Так проходит слава земная* // «Бельские просторы», 2018) Фразеологизм *медвежий угол*, по сведениям словаря А. И. Молоткова, имеет значение: ‘отдалённое, глухое малонаселённое место; захолустье’ [14, с. 489]. Такие единицы, как *медвежий угол*, *медвежья услуга*, *медвежья болезнь*, в отличие от рассмотренных нами выше образно-компаративных сочетаний, характеризуются той или иной степенью идиоматичности (актуальное «фразеологическое значение» не равно сумме составляющих ФЕ слов-компонентов).

Особое место в рассматриваемой нами системе занимают составные терминологические наименования типа *медвежья дудка*, *медвежье ушко*; *волчий корень*, *волчья ягода* и др. Представляя собой либо фразеологические сочетания, либо фразеологические единства (в зависимости от того, оба компонента подвергнуты «переосмыслению» или только один), подобные наименования, однако, лишены живой образности. Вместе с тем их детальное описание представляется нам чрезвычайно важным в плане анализа генезиса фразеологического значения и закономерностей фразообразования.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ компаративного деривационного значения, регулярно проявляющегося у отсубстантивных относительных и притяжательных прилагательных, дает возможность увидеть новый ракурс в исследовании свободных и связанных значений.

На процесс формирования фразеологически связанных значений оказывают ключевое влияние такие факторы, как 1) соотносительность с устойчивыми сравнениями в их прототипическом варианте; 2) однозначность / многозначность этих УС; 3) четкость и определенность основания сравнения; 4) широта / узость того круга существительных, в сочетаниях с которыми прилагательное проявляет образно-компаративное значение; 5) частотность употребления в текстах и в разговорной речи субстантивно-адъективных единиц с семантикой образного сравнения.

Субстантивно-адъективные сочетания проанализированной нами модели могут быть рассмотрены как структурно-компаративные (или «синтаксические») варианты устойчивых сравнений (в случаях, когда их соотносительность с последними налицо). Подобное варьирование, как правило, является результатом длительного и активного функционирования таких сочетаний в художественных текстах и в публицистике. В основе языкового механизма их «фразеологизации» лежит

постепенное сужение сочетаемости прилагательного до узкого круга «минимальных контекстов» либо формирование закреплённости некоего основания сравнения за определённым синтагматическим окружением.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем углублённом анализе степени частотности употребления относительных прилагательных разных моделей в образно-компаративных значениях, а также в выявлении решающего фактора при квалификации сравнительного значения субстантивно-адъективного словосочетания как значения «фразеологически связанного». Эти аспекты научного поиска чрезвычайно важны для успешной лексикографической практики.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Белгородский университет, 2008. – 150 с.
2. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1964. – 315 с.
3. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слов // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162–189.
4. *Дидковская В. Г.* Синтагматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке: учебное пособие к спецкурсу. – Новгород: Изд-во НГПИ, 1992. – 63 с.
5. *Дидковская В. Г.* Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка: на материале глагольно-именных сочетаний: диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01. – Новгород, 2000. – 328 с.
6. *Дидковская В. Г.* Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. – Новгород, 1997. – 97 с.
7. *Жуков В. П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 309 с.
8. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие для студентов пед.ин-тов по спец. «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.
9. *Зимин В. И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). – Выпуск 2. – Тула, 1972. – С. 70–83.
10. *Зимин В. И.* К вопросу об анализе семантической структуры слов и фразеологизмов // Вопросы фразеологии: Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия, вып. № 219. Часть 1. – Самарканд, 1972. – С. 199–204.
11. *Зимин В. И.* Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г.: М.: ООО «Издательство «Элпис», 2006. – С. 543–546.
12. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
13. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. – 1977. – 280 с.
14. *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://ruscorpora.ru/new/>]

16. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
17. *Огольцева Е. В.* Взаимодействие устойчивых сравнений и компаративно-производных слов в языке и тексте // На крыльях слова: материалы международной научной конференции, посв. юбилею С. М. Шулежковой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский дом печати», 2015. – С. 153–161.
18. *Огольцева Е. В.* Образное значение в системе отсубстантивной деривации: структурно-семантический аспект. – 2-е изд., исправ. и дополн. – М.: Изд-во «Флинта», 2019. – 296 с.
19. *Огольцева Е. В.* Проявления синтетизма и аналитизма в языковых единицах с семантикой образного сравнения (на материале русского языка) // Аналитизм в языках разных типов: сорок лет спустя // Материалы научных чтений памяти В. Н. Ярцевой: к 100-летию со дня рождения. Вып. II. – М.: Ин-т языкознания, 2006. – С. 122–130.
20. *Огольцева Е. В.* Типы отношений между равноуровневыми языковыми единицами с семантикой образного сравнения (на материале сравнений с компонентом В – наименованием конкретного предмета) // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 2007. – С. 77–86.
21. *Сидорец В. С.* Неоднословные наименования действия у восточных славян – избыточность или необходимость: научное издание. – Мозырь, 1993. – 92 с.
22. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.
23. *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студентов филол. факультетов и факультетов иностранных языков. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 264 с.
24. *Уфимцева А. А.* Лексическое значение / отв. Ред. Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
25. *Эмирова А. М.* Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. – Симферополь, 2020. – 226 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologija i kognitivistika v aspekte lingvističeskogo postmodernizma*. [Phraseology and cognitive science in the aspect of Linguistic Postmodernism]. Monografija. Belgorod, Belgorodskij universitet, 2008. 150 p.
2. Arhangel'skij V. L. *Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke: Osnovy teorii ustojchivyh fraz i problemy obshhej frazeologii*. [Stable phrases in Modern Russian: Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1964. 315 p.
3. Vinogradov V. V. *Osnovnye tipy leksičeskich znachenij slov*. [The main types of lexical meanings of the word]. V.V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija*. Moscow, Nauka, 1977. pp. 162–189.
4. Didkovskaja V. G. *Sintagmatičeskie svojstva frazeologičeskich sochetanij v russkom jazyke*. [Syntagmatic properties of phraseological combinations in the Russian language]. *Učebnoe posobie k speckursu*. Novgorod, Izd-vo NGPI, 1992. 63 p.
5. Didkovskaja V. G. *Sistemno-funkcional'noe opisanie frazeologičeskich sochetanij sovremennogo russkogo jazyka: na materiale glagol'no-imennyh sochetanij*. [System-functional description of phraseological combinations of the modern Russian language: based on the material of verb-nominal combinations]. *Dissertacija ... doktora filologičeskich nauk*. 10.02.01. Novgorod, 2000. 328 p.

6. Didkovskaja V. G. *Paradigmaticheskie svojstva frazeologicheskikh sochetanij v russkom jazyke*. [Paradigmatic properties of phraseological combinations in the Russian language]. Novgorod, 1997. 97 p.
7. Zhukov V. P. *Russkaja frazeologija*. [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaja shkola, 1986. 309 p.
8. Zhukov V. P. *Semantika frazeologicheskikh oblorotov*. [Semantics of phraseological turns]. Uchebnoe posobie dlja studentov ped.in-tov po spec. «Russkij jazyk i literatura». Moscow, Prosveshhenie, 1978. 159 p.
9. Zimin V. I. *K voprosu o variantnosti frazeologicheskikh edinic* [On the question of the variation of phraseological units]. *Problemy ustojchivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinic: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)*. Vypusk 2, Tula, 1972. pp. 70–83.
11. Zimin V. I. *K voprosu ob analize semanticheskoi struktury slov i frazeologizmov*. [On the analysis of the semantic structure of words and phraseological units]. *Voprosy frazeologii: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. Alishera Navoi*. Novaja serija, vyp. № 219, Chast' 1. Samarkand, 1972. pp. 199–204.
12. Zimin V. I. *Sinhronicheskij i diahronicheskij aspekty rassmotrenija vnutrennej formy frazeologizmov russkogo jazyka*. [Synchronic and diachronic aspects of the consideration of the internal form of phraseological units of the Russian language]. *Problemy semantiki jazykovykh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty): Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija 17-19 marta 2006 g.* Moscow, OOO «Izdatel'stvo «Jelpis», 2006. pp. 543–546.
13. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury*. [Linguoculturological method in phraseology: codes of culture]. Moscow, «Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 456 p.
14. Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo jazyka*. [Fundamentals of phraseology of the Russian language]. Leningrad, Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1977. 280 p.
15. Molotkov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka*. [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 1986. 543 p.
16. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. [National Corpus of the Russian language]. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa [URL: <https://ruscorpora.ru/new/>]
17. Ogol'cev V. M. *Slovar' ustojchivykh sravnenij russkogo jazyka (sinonimo-antonimicheskij)*. [Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic)]. Moscow, OOO «Russkie slovari», OOO «Izdatel'stvo Astrel», OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. 800 p.
18. Ogol'ceva E. V. *Vzaimodejstvie ustojchivykh sravnenij i komparativno-proizvodnykh slov v jazyke i tekste*. [Interaction of stable comparisons and comparative-derived words in language and text]. *Na kryl'jah slova: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posv. jubileju S.M. Shulezhkovej*. Magnitogorsk, ZAO «Magnitogorskij dom pečati», 2015. – pp. 153–161.
19. Ogol'ceva E. V. *Obraznoe znachenie v sisteme otsubstantivnoj derivacii: strukturno-semanticheskij aspekt*. [Figurative meaning in the system of substantive derivation: structural and semantic aspect]. 2-e izd., isprav. i dopoln. Moscow, Izd-vo «Flinta», 2019. 296 p.
20. Ogol'ceva E. V. *Projavenija sintetizma i analitizma v jazykovykh edinicah s semantikoj obraznogo sravnenija (na materiale russkogo jazyka)*. [Manifestations of synthetism and analyticism in linguistic units with the semantics of figurative comparison (based on the material of the Russian language)]. *Analitizm v jazykah raznyh tipov: sorok let spustja // Materialy nauchnykh čtenij pamjati V.N. Jarcevoj: k 100-letiju so dnja rozhdenija*. Vyp. II. Moscow, In-t jazykoznanija, 2006. – pp. 122–130.
21. Ogol'ceva E. V. *Tipy otnoshenij mezhdru raznourovnevnyimi jazykovymi edinicami s semantikoj obraznogo sravnenija (na materiale sravnenij s komponentom B naimenovaniem konkretnogo predmeta)*. [Types of relations between multilevel linguistic units with the semantics of figurative

- comparison (based on the material of comparisons with the component In the name of a particular subject)]. *Issledovanija po semantike i pragmatike jazykovyh edinic: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Ufa, 2007. pp. 77–86.
22. Sidorec V. S. *Neodnoslovnnye naimenovanija dejstvija u vostochnyh slavjan – izbytochnost' ili neobhodimost'*. [Ambiguous names of action among the Eastern Slavs – redundancy or necessity]. Nauchnoe izdanie. Mozyr', 1993. 92 p.
 23. *Slovar' russkogo jazyka*. [Dictionary of the Russian language]. V 4-h tt. Pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkij jazyk, 1981.
 24. Solodub Ju. P., Al'breht F. B. *Sovremennij russkij jazyk. Leksika i frazeologija (sopostavitel'nyj aspekt)*. [Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect)]. Uchebnik dlja studentov filol. fakul'tetov i fakul'tetov inostrannyh jazykov. Moscow, Flinta, Nauka, 2002. 264 p.
 25. Ufimceva A. A. *Leksicheskoe znachenie*. [Lexical meaning]. Otv. Red. Ju. S. Stepanov. Moscow, Nauka, 1986. 239 p.
 26. Jemirova A. M. *Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticheskom osveshhenii*. [Russian Phraseology in communicative and pragmatic coverage]. Monografija. Simferopol', 2020. 226 p.

**PHRASES WITH FIGURATIVE-COMPARATIVE SEMANTICS
(ON THE QUESTION OF PHRASEOLOGICAL CONNECTEDNESS OF
LEXICAL MEANING)**

Ogoltseva E. V.

The article deals with phrases formed according to the model «relative (possessive) adjective + noun». The cases of manifestation of the figurative-comparative meaning of such phrases are analyzed and the question of the «freedom»/ connectedness of the adjective component in their composition is raised. Since in many cases substantive-adjective combinations such as bearish clumsiness, bullish strength, wasp waist, etc. turn out to be synonymous with stable comparisons with the same figurative basis, such manifestations of semantic correlation are analyzed in detail in the article. Adjective components formed on the basis of nouns of different lexico-semantic groups are considered, an attempt is made to typify phrases with these components according to the degree of idiomaticity. The author comes to the conclusion that the phrases of the studied model in many cases can be qualified as formal-comparative variants of the «prototypical» comparative units correlative with them - stable comparisons. On the other hand, there are grounds for considering such combinations as phraseological ones. The factors influencing the process of phraseologisation of figurative-comparative meanings of relative adjectives, as well as those features that distinguish phraseological combinations of this type from the «classic» cases such as bosom friend, penknife, etc., are revealed. The problems posed in the article have a direct outlet to lexicographic practice: An urgent task is to develop methods of semanticizing comparative phraseological combinations in linguistic dictionaries.

Keywords: structural-comparative variant, phraseological combination, adjectival component, comparative meaning, stable comparison, phraseologically related meaning.